

945

П. Е. Михайловъ.

ар
14887200
„ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ ПРАВА“

ПЕРЕДЪ

судомъ русской юриспруденціи.

І.

Анализъ критики

проф. Н. И. ПАЛІЕНКО.

(Теорія „внѣшнихъ императивовъ“).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.

1910.

1870

ИЗДАНИЕ "ОСНОВЫНЪИ ПРАВА" И ПРАВОСЛАВНЫИ
СЪВЕЩАТЕЛЬ

(ЛЮБИМЪИ ПЕРШИИ ПУКЪИ ИНИЦИАЛЪИ)

ИЗДАНИЕ И ПУКЪИ

ПРИНТАРЪИ

СЪВЕЩАТЕЛЬ

ИЗДАНИЕ

ОСНОВЫНЪИ ПРАВА

ИЗДАНИЕ

ПОСВЯЩАЕТСЯ
высокоуважаемому и дорогому учителю
моему

Профессору

Льву Иосифовичу ПЕТРАЖИЦКОМУ.

ПОСВЯЩЕНО

Высокому умственному и добротному развитию
человека

История

Учебник для учащихся

СПбГУ

Анализъ критики проф. Н. И. Палиенко.

Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ проф. Л. И. Петражицкій впервые опубликовалъ свои «очерки по философіи права», развивая въ нихъ новыя идеи будущей «психологической теоріи права¹⁾». Уже эти первые зачатки тенерешней, громкой по извѣстности, психологической теоріи проф. Петражицкаго обратили на себя вниманіе въ печати русскихъ ученыхъ юристовъ въ лицѣ такихъ корифеевъ нашей науки, какъ Б. Н. Чичеринъ и кн. Е. Н. Трубецкой. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе всѣхъ десяти лѣтъ, проф. Петражицкій неустанно развивалъ свои идеи и въ рядѣ работъ создалъ и широко развернулъ новую «психологическую теорію права», основанную на ученіи о

¹⁾ Собственно говоря, еще въ 1898 г. проф. Петражицкій началъ развивать свои идеи, публично прочтя докладъ въ Юридич. обществѣ на тему: „Что такое право“. Докладъ этотъ вызвалъ отрицательную критику г. Гогеля въ Журн. мин. юст. 1898 г., но критика эта такъ и осталась одинокой, если не считать рѣзкихъ выпадовъ В. М. Нечаева противъ пониманія права проф. Петражицкимъ (Журн. мин. юст. 1899 г. № 3). Въ первомъ номерѣ „Вѣстника Права“ (1899 г.) докладъ Л. И. Петражицкаго былъ напечатанъ подъ тѣмъ же названіемъ, а затѣмъ, онъ цѣликомъ вошелъ и въ его „Очерки“.

наблюденныхъ имъ особыхъ психическихъ переживаніяхъ *sui generis* — эмоціяхъ или импульсіяхъ, двойственнаго, пассивно-активнаго характера.

Нынѣ, врядь ли какая другая теорія въ русской юриспруденціи обратила на себя столько вниманія, вызвала столько критикъ *etc.*, какъ именно «психологическая теорія права» проф. Петражицкаго, о которой накопилась уже довольно обширная литература. Но до сихъ поръ эта критическая литература оставалась (почти) безъ отвѣта какъ со стороны самого автора, такъ и послѣдователей данной теоріи. А между тѣмъ одно важное обстоятельство (весьма неблагоприятное для новой теоріи) заставляетъ обратить серьезное вниманіе на эту критику, которая получаетъ широкую огласку. Дѣло въ томъ, что большинство критиковъ обнаружило систематическое непониманіе новаго ученія проф. Петражицкаго и *eo ipso* проявило неточную передачу основныхъ, принципиальныхъ идей даннаго ученія, такъ что самая теорія проф. Петражицкаго въ передачѣ и толкованіи его критиковъ является далеко не подлинной.

Въ виду всего этого и является необходимымъ постараться проанализировать данныя критики и попутно показать ученіе Петражицкаго въ его истинномъ свѣтѣ и смыслѣ. Поэтому, прежде и важнѣе всего, является требованіе вскрыть у каждаго критика ту подпочву, проанализировать, выявить тѣ основанія, на которыхъ строятся данныя критическія возраженія. Въ виду такой задачи въ текстѣ не противопоставляются возражательнымъ примѣрамъ и аргументамъ критика противоположные по содержанію примѣры и т. под., а, просто, имѣется лишь обоснованное указаніе на неправильную исходную точку зрѣнія, гдѣ таковая имѣется. Ибо разъ будетъ вскрыто основное, фундаментальное не пониманіе ученія проф.

Петражицкаго, то *eo ipso* отпадаютъ уже и всѣ самыя, казалось, страшныя возраженія, построенныя на такомъ непрочномъ фундаментѣ. Критика со стороны ученія о правѣ, какъ «вышнихъ императивахъ», особенно кажется намъ опрометчивой и неудачной въ своихъ основаніяхъ.

Приступая къ анализу данной критики Н. И. Палиенко ¹⁾, какъ представителя теоріи «вышнихъ императивовъ», необходимо оговориться, что и она разсматривается, именно, съ точки зрѣнія ея основаній и, вообще, принципиальнаго пониманія «психологической теоріи права». На анализѣ данной критики рѣзче всего вскроются недоразумѣнія въ пониманіи ученія Петражицкаго, ибо это—критика положительнаго юриста-догматика, критика, не прикрытая никакими метафизическими и т. под. разсужденіями. Въ виду этого на ней лучше всего и остановиться въ первую голову.

I.

Самое главное, на что прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе въ критикѣ Н. И. Палиенко, заключается въ несогласіи критика съ проф. Петражицкимъ относительно пониманія этическихъ нормъ, вѣрнѣе, въ отрицаніи имъ психологической (проекціонной) природы этическихъ нормъ согласно ученію проф. Петражицкаго.

Какъ извѣстно, ученіе Петражицкаго объ этическихъ нормахъ состоитъ въ слѣдующемъ. Открывъ въ нашей психикѣ особыя двойственныя, пассивно-активныя переживанія *sui generis*, проф. Петражиц-

¹⁾ См. его: Новая психологическая теорія права, Ярославль 1900 г. и Ученіе о существѣ права и правовой связности государства. Харьковъ 1908

кій теоретически об'єдинилъ ихъ въ одномъ классѣ эмоцій или импульсій ¹⁾). На теоріи эмоцій онъ построилъ и свою «психологическую теорію права». По этой теоріи етичскія переживанія—правственныя и правовыя—являются особыми нормативными емоціоноально - интеллектуальными сочетаніями, емоціоноальний элементъ которыхъ составляютъ такъ наз. эмоціи долга или етичскія эмоціи ²⁾. Эти эмоціи или импульси отличаются слѣдующими двумя характерными свойствами: 1) онѣ переживаются, какъ внутренняя помѣха свободѣ, какъ своеобразное препятствіе для свободнаго слѣдованія нашимъ склонностямъ и влеченіямъ, какъ твердое и неуклонное давленіе въ сторону того поведенія, съ представленіемъ коего сочетаются данныя эмоціи долга; и 2) онѣ имѣють своеобразный мистическо-авторитетный характеръ и противустоятъ нашимъ склонностямъ и влеченіямъ, какъ импульсы съ высшимъ ореоломъ и авторитетомъ, исходящіе, какъ бы, изъ невѣдомаго, отличнаго отъ нашего обыденнаго «я», таинственнаго, властнаго источника ³⁾.

Кромѣ того, эмоціи или импульси (моторныя возбужденія) вообще, возбуждаемыя въ насъ разными объектами (ихъ воспріятіями или представленіями), сообщаютъ соотвѣтственнымъ воспріятіямъ и представленіямъ особую окраску, какъ бы особыя свойства, такъ что самые объекты представляются уже въ особомъ видѣ, какъ бы надѣленными особыми объективными свойствами и признаками, объективно присущими имъ по самой ихъ природѣ («вкусное, блюдо», «милый человѣкъ», «страшный звѣрь» и

¹⁾ См. Петражицкій, Введеніе въ изученіе права и нравственности. Эмоціоноальная психологія 1905.

²⁾ Его-же, Теорія права, I. стр. 26—27.

³⁾ Теорія права. I. стр. 30—33.

т. под.)¹⁾ Это явление объективирования въ нашемъ сознаниі нашихъ собственныхъ интеллектуально-эмоціональныхъ переживаній и называетъ проф. Петражицкій эмоціональною проекціею или фантазіею; а то, что бессознательно представляется намъ, какъ объективно, независимо отъ нашей психики, внѣ ея существующимъ—эмоціональными фантазмами или идеологическими величинами. Соответствующую же точку зрѣнія—проекціонною или идеологическою точкою зрѣнія²⁾.

«И вотъ, ничто иное, какъ продукты эмоціональ-

¹⁾ Такъ—иллюстрируетъ данное положеніе проф. Петражицкій—тотъ, по чьему адресу кто-либо переживаетъ эмоціи любви, является для этого послѣдняго „милымъ“, „дорогимъ“, а въ случаѣ исчезновенія любви и замѣны ея склонностью къ репульсивнымъ переживаніямъ „милый“ превращается въ „постылаго“ и т. под. Но въ обоихъ случаяхъ, сколько бы мы ни приглядывались къ этому, сначала, „милому“, а затѣмъ, вдругъ „постылому“ субъекту, сколько бы ни старались отыскать въ немъ объективно присущія ему свойства „милаго“, „постылаго“ etc.,—всѣ наши труды были бы напрасны, мы не нашли бы ни въ немъ, ни на немъ никакихъ слѣдовъ, соответствующихъ качествамъ данныхъ эпитетовъ, ибо искали бы не въ надлежащей области, такъ какъ эти качества (которыя въ данномъ случаѣ приписываются „милому“ и „постылому“ субъекту) суть, просто, извѣстныя отраженія нашихъ психическихъ переживаній, продукты нашей собственной психики, нашего психическаго отношенія къ данному субъекту. Только внимательно анализируя нашу психику, мы ясно различили бы, что эти качества и свойства „милаго“, „постылаго“ etc. бессознательно приписываются нашей эмоціональной психикой тому субъекту, о которомъ мы говоримъ, который для насъ „милый“, „постылый“ и т. под. Объективно же реального на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не имѣется у субъекта нашей любви, ненависти и проч.

²⁾ Теорія права, I, стр. 33—35.

ной проекції, емоціональнїя фантазми представляють и тѣ категорическія велѣнія съ высшимъ авторитетомъ, которыя въ случаѣ этическихъ переживаній представляются объективно существующими и обращенными къ тѣмъ или инымъ субъектамъ, а равно и тѣ особыя состоянія связанности, обязанности, несвободы и подчиненности, которыя приписываются тѣмъ (представляемымъ) субъектамъ, коимъ (представляемые) этическіе законы повелѣвають или запрещаютъ извѣстное поведеніе. Реально существуютъ только переживанія этическихъ моторныхъ возбужденій въ связи съ представленіями извѣстнаго поведенія etc. «Въ силу же емоціональной проекції переживающему такіе процессы кажется, что гдѣ-то, какъ бы въ высшемъ пространствѣ надъ людьми, имѣется и царствуетъ соответственное категорическое и строгое велѣніе или запрещеніе, напр., запретъ лжи; а тѣ, къ коимъ такія велѣнія и запрещенія представляются обращенными, находятся въ особомъ состояніи связанности, обязанности». (Теорія права, I стр. 37—38).

На этой почвѣ происходитъ, какъ бы, овеществленіе, матеріализація этического долга, какъ, напр., говорятъ: «на немъ лежитъ тяжелый долгъ» и т. п.

Отсюда слѣдуетъ, что такъ наз. императивы, и императивныя нормы вовсе не означаютъ, что кто-то кому-то что-то велитъ, что какая-то «воля» обращается къ другой «волѣ» и т. под. Онѣ означаютъ проекціи, въ основѣ коихъ лежатъ, охарактеризованныя выше, моторныя возбужденія или эмоціи. (Теорія права, стр. 40). Итакъ, слѣдовательно, императивы, нормы — не болѣе, какъ отраженія, проекціи емоціональной психики. Таково ученіе проф. Петражицкаго.

Проф. Палиенко не хочет примириться съ этимъ, такъ какъ «въ настоящее время пониманіе права, какъ своеобразныхъ (?) нормъ или императивовъ, является безусловно господствующимъ»¹⁾. А «проектированіе этихъ нормъ, какъ велѣній, является не созданіемъ фантазмовъ, а синтезомъ опредѣленныхъ (?) нормативныхъ явленій социальной жизни»²⁾. Конечно, эта послѣдняя фраза нисколько не колеблетъ выводовъ проф. Петражицкаго и обнаруживаетъ только, развѣ, безсиліе критики г. Палиенко. Ибо, чтобы поколебать и тѣмъ болѣе разрушить, уничтожить данное ученіе проф. Петражицкаго, нужно не простое отрицаніе, а психологическій анализъ его ученія. А между тѣмъ, всѣ разговоры г. Палиенко о нормахъ дальше простыхъ, голыхъ утвержденій такъ и не идутъ. Изъ всѣхъ его разсужденій не видно, все-таки, что же такое нормы, кромѣ того, что онѣ суть «объективное право»? Сказать, что онѣ не «фантазмы», а какой-то «синтезъ» еще не достаточно для научной критики. Чтобы быть въ состояніи правомѣрно отвергнуть ученіе о нормахъ, какъ эмоціональныхъ проекціяхъ, необходимо разбить и отвергнуть самое ученіе объ эмоціяхъ и ихъ проекціонныя свойства, ибо эмоціи являются источникомъ проекцій, ихъ психическою причиною. Только разрушивъ эту теорію, ео ipso можно разрушить и ученіе о нормахъ, какъ эмоціональныхъ проекціяхъ. Проф. Палиенко отнюдь не сдѣлалъ этого, открыто говоря: «не считая себя компетентнымъ для рѣшенія этого научно-психологическаго вопроса, мы не входимъ въ разсмотрѣніе теоріи эмоцій»³⁾. Но въ такомъ слу-

1) Ученіе о существѣ права, стр. 216.

2) Ibidem, стр. 218.

3) О существѣ права, стр. 222 прим. 1.

чаѣ онъ eo ipso уже не могъ и критиковать проекціонный характеръ нормъ, такъ какъ не провѣрилъ его научно-психологическимъ методомъ (интроспекціи), рекомендуемымъ проф. Петражицкимъ. И странно, послѣ этого, какъ всетаки могъ г. Палиенко отвергнуть нормы, какъ проекціи, т. е. отраженія, слѣдствія данныхъ нормативныхъ эмоцій, которыя, служа источникомъ, причиною самихъ проекцій, остаются по некомпетентности въ нихъ критика безъ разсмотрѣнія? Такой дефектъ критики объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что проф. Палиенко не достаточно вдумался и eo ipso понялъ «психологическую теорію права», а скользитъ только по поверхности (что въ нижеслѣдующемъ текстѣ вскроется еще нагляднѣе ¹⁾).

Въ немъ, несомнѣнно, сказалась привычная наивно-реалистическая точка зрѣнія, по которой нормы—это «внѣшніе императивы», «властные велѣнія внѣшняго земного авторитета», «приказы внѣшней авторитет-

¹⁾ Вѣдь, на самомъ дѣлѣ, утвержденіе проф. Палиенко о нормахъ, какъ императивахъ, самостоятельно существующихъ, независимо отъ эмоціо-нальных переживаній, логически неправомѣрно, разъ онъ не опровергнулъ самую теорію эмоцій проф. Петражицкаго. Ибо, по ученію „психологической теоріи права“, нормы суть проекціи эмоціо-нальных переживаній и не могутъ существовать независимо отъ нихъ, подобно тому, какъ въ геометріи и проекціонномъ черченіи т. наз. проекціи линій не существуютъ мысленно, независимо отъ самихъ линій, являясь лишь ихъ отраженіемъ, тѣнью, слѣдствіемъ. Было бы логически неправомѣрнымъ, не опровергнувъ соответственныхъ аксіомъ и теоремъ геометріи, утверждать, что проекціи, проекціонныя линіи не суть проекціи геометрическихъ линій, а самостоятельныя, независимыя линіи, равноправныя съ этими послѣдними. А между тѣмъ, утвержденіе почтеннаго критика совершенно тождественно съ подобнымъ утвержденіемъ.

ной воли» etc. ¹⁾ По возраженія и нападки на «психологическую теорію права», основанныя на привычках называнія и авторитетѣ «безусловно-господствующаго» мнѣнія, а не на тонкомъ психологическомъ анализѣ правовыхъ переживаній, бьютъ «холостымъ» зарядомъ, не достигая самой цѣли. «Некомпетентность» критика въ эмоциональномъ ученіи проф. Петражицкаго лишаетъ всякой силы его критику, направленную и на эмоциональную теорію права, ибо ученіе о правѣ проф. Петражицкаго основано всецѣло на его ученіи объ эмоціяхъ.

Какъ же относится критикъ къ самому опредѣленію права, къ самому пониманію его проф. Петражицкимъ?

Какъ извѣстно, проф. Петражицкій учитъ, что право есть этическое, интеллектуально-эмоциональное переживаніе, эмоціи котораго имѣютъ атрибутивный характеръ, или, просто, право есть психическое, императивно-атрибутивное переживаніе. (Теорія права, I. стр. 83 и др.). По данному ученію существенный признакъ права заключается въ атрибутивности соответственныхъ переживаній, т. е. въ психическомъ закрѣпленіи нашихъ обязанностей за управомоченными.

Проф. Палиенко не соглашается съ даннымъ мнѣніемъ Петражицкаго. «Закрѣпленность обязанности за другимъ и, слѣдовательно, атрибутивность нормативныхъ переживаній свойственна не только праву, но и всѣмъ вообще этическимъ нормамъ, опредѣляющимъ взаимоотношенія субъектовъ.»

«Отличительный признакъ правовой нормы заключается... не въ атрибутивности, т. к. это общій

¹⁾ Новая психологическая теорія права, стр. 27. Ср. также вступительную лекцію Н. И. Палиенко: Предметъ, задачи... и идея права, стр. 11. Яросл. 1900; и Ученіе о существѣ права, стр. 213.

признакъ нормъ долженствованія». Таковы утверждения проф. Палиенко ¹⁾. Въ чемъ заключается существенный, отличительный признакъ права и eo ipso правовыхъ нормъ по мнѣнію критика, будетъ указано дальше, теперь же посмотримъ, чѣмъ аргументируетъ свое утверждение Н. И. Палиенко.

«Примѣняя психологическій методъ проф. Петражицкаго—говоритъ онъ—мы можемъ утверждать, что такъ же сознаемъ за крѣпленность нравственныхъ обязанностей за другими лицами, какъ и въ случаѣ юридическихъ обязанностей, а равно обоснованность требованія ихъ исполненія. Неисполненіе нравственной нормы можетъ вызывать такую же реакцію оскорбленнаго (нравственнаго) чувства, какъ и въ случаѣ нарушенія юридическихъ обязанностей. Всѣ признаки атрибутивной функціи нравственной нормы здѣсь налицо» ²⁾. Итакъ, нравственные переживанія также атрибутивны, какъ и правовыя.

Великолѣпные примѣры нравственныхъ переживаній и eo ipso нормъ приводитъ Петражицкій въ своихъ трудахъ. Высокое нравственное ученіе Христа служить ему основнымъ базисомъ въ ученіи о нравственной

¹⁾ О существѣ права, стр. 273. и Новая психолог. теорія, стр. 16 и 22.

²⁾ Новая теорія, стр. 17—18. „Такой, именно, атрибутивный характеръ имѣетъ, по нашему мнѣнію, особенно альтруистическая мораль,—указываетъ критикъ въ другомъ мѣстѣ продолжаетъ далѣе. Чѣмъ развитѣе и интенсивнѣе нравственное чувство и сознаніе нравственныхъ обязанностей по отношенію къ другимъ, тѣмъ ярче въ психикѣ обязаннаго проявляется переживаніе атрибутивности, закрѣпленности его долженствованія, тѣмъ болѣе онъ сознаетъ, что оказываетъ не милость, не снисхожденіе другимъ лицамъ, а выполняетъ то, что имъ присвоилъ нравственный законъ.“ (О существѣ права, стр. 273—74.).

этикѣ. Правственная норма, гласящая: «ударившему тебя въ правую щеку, подставь и другую», или «взявшему отъ тебя верхнюю одежду, отдай и послѣднюю рубаху»,—такія нормы, будь онѣ атрибутивны, дѣлали бы совершенно невозможной мирную социальную жизнь. Ибо субъектъ, притязавшій на ударъ въ другую щеку и требующій послѣднюю рубаху, при малѣйшемъ несогласіи на это со стороны обязаннаго, оскорблялся бы, т. е. переживалъ бы «такую же реакцію оскорбленнаго (правственнаго) чувства, какъ и въ случаѣ нарушенія юридическихъ обязанностей», какъ увѣряетъ проф. Палиенко. А мы знаемъ послѣдствія реакціи оскорбленной правовой психики, послѣдствія, доходящія до кровопролитія... Неужели этика Христа учить о такой природѣ заповѣдей, которая ведетъ къ кровопролитію? Надо надѣяться, что критикъ не станетъ утверждать этого.

Такую же критику противъ классификаціи проф. Петражицкаго выдвинулъ еще раньше проф. Е. Н. Трубецкой, говоря, между прочимъ, что «трудно найти хотя бы одну нравственную норму, которая бы не была императивно-атрибутивной»¹⁾. Проф. Петражицкій уже отчасти отвѣтилъ на такую критику²⁾.

Съ критикой Н. И. Палиенко отвѣтъ проф. Петражицкаго находится въ самой тѣсной связи. И къ данному критику приложимы два предположенія (указанныя проф. Петражицкимъ): 1) или у него гипертрофія правовой, притязательной психики; 2) или онъ не примѣнялъ, или не сумѣлъ должнымъ образомъ примѣнить психологическій методъ самона-

1) „Вопр. филос. и психол.“ 1901. кн. 57 Стр. 14. ср. его-же: „Энциклопедія права“.

2) По поводу этого разногласія возникаетъ дилемма:

1) Или почтенный критикъ провѣрялъ путемъ надлежащаго психологическаго метода (самонаблю-

блюденія и eo ipso не повяля теоріи Петражицкаго, ибо ознакомленіе съ психическими процессами разныхъ родовъ и видовъ не можетъ быть достигнуто съ чужихъ словъ безъ соотвѣтственнаго самопознанія, безъ интроспективнаго познанія ¹⁾). Разъ Н. И. Паліенко самъ утверждаетъ, что онъ пользовался «психологическимъ методомъ проф. Петражицкаго» и въ то же время говоритъ что и правовыя, и нрав-

денія, ср. „Очерки“, стр. 51) существованіе констатированныхъ мною двухъ разновидностей этическихъ переживаній, но убѣдился только въ существованіи императивно-аттритивныхъ переживаній потому, что онъ дѣйствительно переживаетъ только такіе акты этического сознанія, а чисто-императивное, безиритязательное сознаніе долга въ самомъ дѣлѣ чуждо его психикѣ;

2) или онъ не примѣнялъ совсѣмъ, или не примѣнилъ надлежащимъ и успѣшнымъ образомъ (м. б., вслѣдствіе непривычки къ психологическимъ изслѣдованіямъ) того пріема изслѣдованія, который былъ необходимъ для основательнаго рѣшенія вопроса. (О мотивахъ человѣческихъ поступковъ, 1904. стр. 27—28 примѣч. Ср. еще: Теорія права, I. стр. 47—48 примѣч.).

Не предполагая „аномаліи“ въ психикѣ проф. Трубецкаго, „состоящей въ гипертрофіи правовой, притязательной психики и въ атрофіи безпритязательной, нравственной психики“, проф. Петражицкій предположилъ второе, что наглядно и подтвердилось на иллюстраціяхъ проф. Трубецкаго. „Почтенный критикъ, къ сожалѣнію,—заключаетъ проф. Петражицкій,—не извлекъ изъ содержанія разбираемой имъ книги и изъ тѣхъ данныхъ (внутренняго опыта), на которыя тамъ указывается.. понятій „обязанности“ и „императивной“ и „аттритивной“ природы нѣкоторыхъ переживаній“, въ результатъ чего, естественно, и обнаружилось разногласіе, основанное на неправильномъ пониманіи критикомъ ученія Петражицкаго. (Ibidem.).

¹⁾ Петражицкій, Теорія права, I. стр. 71 примѣч. 1

ственныя, и эстетическія нормы и переживанія атрибутивны ¹⁾, то его, именно, можно заподозрить въ гипертрофіи правовой, атрибутивной психики, при которой онъ, переживая какое нибудь правовое явленіе, по привычкѣ называнія относитъ его къ нравственности и рѣшаетъ, что и нравственность—атрибутивна ²⁾. Но вѣроятнѣе всего, въ концѣ концовъ, дѣло объясняется просто недоразумѣніемъ въ пониманіи самаго ученія Петражицкаго.

Дѣйствительно, это и наблюдается самымъ явнымъ образомъ въ критикѣ проф. Палиенко.

Чтобы понять классификацію этическихъ явленій по ученію проф. Петражицкаго, нужно предварительно, опять-таки, понять его ученіе объ эмоціяхъ и ихъ характерныхъ свойствахъ. Безъ этого основного пониманія не можетъ быть, разумѣется, правильнаго пониманія и данной его классификаціи. Между тѣмъ, критикъ обнаружилъ наглядное непониманіе ученія объ эмоціяхъ проф. Петражицкаго. Такъ, желая передать ученіе послѣдняго объ эмоціяхъ, лежащихъ въ основаніи правовыхъ и нравственныхъ переживаній, г. Палиенко пишетъ. «Тѣ этические переживанія, т. е. переживанія долженствованія въ поведеніи субъекта, въ основѣ коихъ лежатъ лишь одностороннія, пассивныя эмоціи, чисто императивно-моторныя возбужденія или импульсіи, не имѣютъ въ своемъ интеллектуальномъ составѣ никакихъ представленій и проекцій закрѣпленности долженствованія за другимъ, не надѣляютъ этого другаго притязаніемъ. Такія переживанія... проф. Петражицкій... относитъ къ нравственности. Тѣ же этические переживанія,—продолжаетъ критикъ,—кои осно-

¹⁾ Новая психологическая теорія, стр. 16—23.

²⁾ Ср. Петражицкій, Теорія права, стр. 47—48, примѣч.

Каб. гос. права
№ 76
14887 гос. бр.

ваны на констатируемыхъ этимъ ученымъ, эмоціяхъ двустороннихъ, активно-пассивныхъ, императивно-атрибутивного характера, имѣютъ въ своемъ составѣ представленія закрѣпленности обязанности за другимъ, проектируютъ притязанія и субъектовъ притязаній. Такія переживанія и нормы—являются правомъ¹⁾.

Такая передача критикомъ мыслей проф. Петражицкаго многихъ введеть въ заблужденіе, а самому ихъ автору оказываетъ весьма сомнительную услугу. Изъ нижеслѣдующаго текста будетъ видно, о чемъ и какъ говоритъ въ данномъ случаѣ проф. Петражицкій, теперь же слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о пониманіи проф. Палиенко эмоціональнаго ученія Петражицкаго.

Итакъ, почтенный критикъ представляетъ себѣ дѣло въ слѣдующемъ видѣ. Есть эмоціи или импульси (моторныя возбужденія) «одностороннія» «пассивныя», и тогда онѣ будутъ «императивно-моторныя возбужденія», а есть также и другія эмоціи — «двустороннія», «активно - пассивныя» и тогда это будутъ *mutatis mutandis* «императивно-атрибутивно-моторныя возбужденія». Первые изъ этихъ эмоцій лежатъ въ основѣ нравственности, вторыя—въ основѣ права. Такъ представляетъ себѣ дѣло проф. Палиенко, но отнюдь не Петражицкій. По ученію Л. І. Петражицкаго всѣ эмоціи или импульси суть двойственнаго, пассивно-активнаго характера и по самой идеѣ своей не могутъ имѣть только «односторонняго», «пассивнаго» характера, каковое утвержденіе по недоразумѣнію приписываетъ критикъ Л. І. Петражицкому.

Но отсюда ясно, если критикъ невѣрно понимаетъ эмоціональное основаніе, фундаментъ нрав-

¹⁾ О существѣ права, стр. 271.

ственности и права, то, разумѣется, онъ не могъ понять и соответственной классификаціи проф. Петражицкаго, основанной на теоріи эмоцій и ихъ, опять-таки, характерныхъ свойствахъ въ данной области. А не умѣя разобраться въ данной классификаціи, проф. Палиенко уже тѣмъ самымъ не могъ научно-правильно и опредѣлить соответственныя категоріи этическихъ явленій (ср. утверженіе его, что и эстетика, правила приличія атрибутивны!) ¹⁾.

Поэтому не удивительно послѣ этого, что критикъ сѣтуетъ на Петражицкаго, что онъ «въ своемъ разграниченіи права и нравственности придаетъ слишкомъ большое значеніе эмоціональному составу этическихъ переживаній», или же прямо сознается, что ему «не понятно, почему именно специфическая природа права должна быть отыскиваема не въ области интеллектуальной, а эмоціональной» ²⁾. Отсюда ясно, что проф. Палиенко недостаточно вдумался въ «психологическую теорію права», иначе все это было бы и понятно, и ясно ³⁾.

¹⁾ Новая психолог. теорія, стр. 22—23.

²⁾ О существѣ права, стр. 277 и 222.

³⁾ Не вдумался, напримѣръ, онъ въ тѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ по ученію проф. Петражицкаго изъ свойства атрибутивности правовыхъ переживаній. Проповѣдуя, что и нравственные и эстетическія переживанія суть атрибутивны, проф. Палиенко долженъ открыто принять и всѣ выводы, вытекающіе изъ даннаго признанія. А выводы эти въ своей сущности и глубинѣ таковы, что о сознательной пропагандѣ ихъ проф. Палиенко не можетъ быть и рѣчи. Если попробовать приложить къ утвержденіямъ критика все сказанное о тенденціяхъ и свойствахъ атрибутивныхъ переживаній проф. Петражицкимъ въ его „Теоріи права“, то самый критикъ первый бы возсталъ противъ такихъ утверждений и eo ipso противъ самого себя. Если при тязать на шаблонное пониманіе и выполненіе нравственныхъ заповѣдей и принциповъ, или—на

Какъ же учить, на самомъ дѣлѣ, о своей классификаціи проф. Петражицкій? Ученіе это въ своей основѣ покоится на различіи въ переживаніяхъ соотвѣтственныхъ эмоцій долга, т. е. на различіи характера самихъ импульсивныхъ процессовъ ¹⁾.

Такъ, напр., когда мы приписываемъ себѣ какія-либо правовыя обязанности по отношенію къ другимъ, то соотвѣтственныя эмоціи представляются нашему сознанію, какъ экстрактивныя по отношенію къ намъ импульси, какъ изъ вѣй исходящее авторитетное добываніе отъ насъ должнаго поведенія. «Сообразно же общему характеру высшей мистической авторитетности этическихъ эмоцій, соотвѣтственная экстракція отъ одного для другого представляется,

эстетическія правила поведенія, то прямо слѣдуетъ сказать, что соціальная жизнь, вообще, стала бы невозможна, ибо притязательная, атрибутивная психика (какъ присущая по утвержденію критика всѣмъ нашимъ нормативнымъ переживаніямъ) изъ за каждаго нетактичнаго эстетическаго поступка, или даже изъ-за невозможности исполненія нравственной заповѣди,—всегда бы воспламенялась и порождала ненасытную, непреодолимую всеобщую *bellum omnium contra omnes*. Ибо психика атрибутивная—требовательная, опасная психика, не считающаяся съ мотивами исполненія ей причитающагося, должнаго. А, развѣ, мы въ дѣйствительности притязаемъ на шаблонное эстетическое поведеніе, какъ мы притязаемъ на исполненіе юридическихъ обязанностей? Вѣдь, нѣтъ. А тогда зачѣмъ же наука должна расходиться съ дѣйствительностью и говорить, что и эстетика—атрибутивна. Вообще, вдумчивое систематическое приложеніе всѣхъ тенденцій и свойствъ правовыхъ (атрибутивныхъ) переживаній къ нравственности и эстетикѣ должно наглядно и убѣдительно показать всю невозможность и нелѣзность сліянія права, морали и эстетики воедино по ихъ психической природѣ.

¹⁾ Теорія права, I, стр. 63—68, гдѣ подробно развивается данная мысль.

какъ какое-то свыше исходящее, обладающее высшимъ авторитетомъ «требованіе» извѣстнаго объекта отъ одного для другого и авторитетное надѣленіе послѣдняго подлежащимъ благомъ. Этимъ опредѣляется и объясняется характеръ проецируемыхъ во вѣхъ правовыхъ нормъ и обязанностей»¹⁾.

Иной специфическій характеръ, нежели правовыя эмоціи, имѣютъ моторныя возбужденія, входящія въ составъ нравственныхъ переживаній. Подлежащія импульсіи представляютъ не авторитетно-экстрактивные эмоціи не авторитетныя добыванія чего-либо отъ насъ для другихъ, исходящія, какъ бы, извнѣ, а — «внутреннія» авторитетныя понуканія къ соотвѣтственнымъ дѣйствіямъ, которыя мы обязаны совершить, именно какъ таковыя, безъ какого бы то ни было предоставительнаго характера для кого-либо. Этому различію въ характерѣ эмоцій соотвѣтствуетъ и этимъ, именно, объясняется специфическій характеръ нравственныхъ проекцій, состоящій въ томъ, что подлежащія обязанности не представляютъ притязаній другихъ, не закрѣплены за ними, какъ ихъ активъ, а являются свободными по отношенію къ другимъ обязанностямъ; соотвѣтственныя же нормы представляются односторонними велѣніями и запретами, только обязывающими однихъ, ничѣмъ не надѣляя другихъ (Теорія права, стр. 67).

На этомъ различіи въ характерѣ переживанія моторныхъ возбужденій, эмоцій долга и покаянія, именно, различіе нравственныхъ (чисто-императивныхъ, безпритязательныхъ) переживаній отъ переживаній правовыхъ (императивно-атттрибутивныхъ, притязательныхъ). А отсюда слѣдуетъ, что и различіе обязанностей и нормъ нравственности и права, какъ эмоціональныхъ проекцій соотвѣтственныхъ этиче-

¹⁾ Теорія права, стр. 65.

ских переживаній, всецѣло поконится также на установленномъ выше различіи характера самихъ моторныхъ возбужденій или эмоцій.

Послѣ этого ясно, что Петражицкій отнюдь не учитъ ни о какихъ «одностороннихъ» «пассивныхъ» эмоціяхъ—спеціально-нравственныхъ и «двустороннихъ», «активно-пассивныхъ»—спеціально-правовыхъ, какъ то по недоразумѣнію усмотрѣлъ проф. Паліенко, а показываетъ лишь различный характеръ эмоцій долга въ ихъ переживаніяхъ. Отсюда ясно также, что императивность и атрибутивность отнюдь не свойства интеллектуальнаго состава этическихъ переживаній, а, именно, эмоціо-на-го; а что это было «непонятно» критику, то это также уже вскрыто: онъ, къ сожалѣнію, какъ-разъ не понялъ того, что именно надо было понять для уразумѣнія «психологической теоріи права» проф. Петражицкаго—его эмоціо-нальное ученіе ¹⁾).

¹⁾ Вѣдь по интеллектуальному составу нормативныхъ переживаній мы не сможемъ никогда опредѣлить специфической природы ни права, ни нравственности, ни эстетики etc. Напр., сужденія и убѣжденія „нельзя красть“, „лгать постыдно“ и т. п. ничего не говорятъ намъ по своему интеллектуальному составу; м. б., одинъ переживаетъ данное убѣжденіе, какъ правовое, другой—какъ нравственное, третій—какъ эстетическое и т. д. Но если мы знаемъ, что у кого-либо съ представленіемъ кражи, клеветы etc. сочетается чисто-императивная эмоція, а у другого—императивно-атрибутивная, то у насъ уже имѣется и ключъ къ разрѣшенію данной проблемы, ибо у перваго субъекта, въ такомъ случаѣ, убѣжденіе „нельзя красть“ и т. п. будетъ нравственное, а у другого—правовое. Поэтому, несомнѣнно, правъ проф. Петражицкій, говоря: „специфическая природа явленій права, нравственности, эстетики, ихъ отличія другъ отъ друга и отъ другихъ переживаній коренятся не въ области интеллектуальнаго, а въ области эмоціо-нального,

Какъ проф. Палиенко, такъ и проф. Е. Трубецкой одинаково смѣшиваютъ понятіе атрибутивности съ понятіемъ психической связанности, т. е. понятіе закрѣпленности обязанности за управомоченнымъ съ понятіемъ самой обязанности. Такъ, напр., проф. Палиенко открыто показываетъ это. Нравственная норма атрибутивна, потому что «всякая норма долженствованія, хотя бы она была лишь чисто-личнымъ убѣжденіемъ, до известной степени связываетъ нашу волю и выборъ дѣйствій» ¹⁾. Кто внимательно проштудировалъ «Теорію права» Петражицкаго, тотъ, конечно, не могъ бы сказать нѣчто подобное, ибо связанность и есть специфическое свойство этического долга, об(в)язанности; потому то переживаніе этического долга и является какъ бы помѣхой свободѣ нашихъ дѣйствій etc. Но это, конечно, отнюдь не атрибутивность, какъ ее понимаетъ проф. Петражицкій ²⁾.

Но что же такое право по мнѣнію проф. Палиенко и въ чемъ его существенный, отличительный признакъ? Во 1-хъ, мы уже знаемъ, что право, по его мнѣнію,—это нормы, «внѣшніе императивы», «властные велѣнія внѣшняго, земного авторитета» (а что же такое т. наз. «сакральное» право?), или, просто, «приказъ внѣшней авторитетной воли». Отличительный же признакъ права заключается «не въ атрибутивности, т. к. это общій признакъ нормъ долженствованія, а въ ея строгой внѣшней императивности... Внѣшній авторитетъ, а не внутренній авторитетъ

импульсивнаго, въ нашемъ смыслѣ, ихъ состава“ (Теорія права, I, стр. 81).

¹⁾ Новая психологич. теорія, стр. 19.

²⁾ См. объ этомъ подробно: Петражицкій, Теорія права, I § 3 и 4.

совѣсти диктуеть здѣсь свою волю» ¹⁾. Итакъ, право—«нормы внѣшнеповелительнаго или внѣшнеимперативнаго характера» ²⁾. Но т. к. проф. Палиенко свое пониманіе права относитъ «къ разряду тѣхъ опредѣленій, которыя въ принудительности правовыхъ нормъ видятъ существенный и отличительный признакъ права» (ibidem), то отсюда и его окончательное опредѣленіе права,—какъ «внѣшнеимперативныхъ нормъ, предназначенныхъ къ принудительному регулированію социальныхъ отношеній» ³⁾. И въ то же самое время самъ г. Палиенко неоднократно утверждаетъ, что «принужденіе не существенный признакъ права» ⁴⁾. Въ противномъ же случаѣ получается два существенныхъ и отличительныхъ признака въ одномъ понятіи права—«внѣшнеимперативность» и «принудительность».

Оставивъ въ сторонѣ эту непослѣдовательность кри-

¹⁾ Новая психол. теорія, стр. 22.

²⁾ Ученіе о существѣ права, стр. 256.

³⁾ О существѣ права, стр. 278. А прогор, слѣдуетъ замѣтить, что проф. Палиенко понимаетъ самую „принудительность“ въ особомъ „формальномъ значеніи“, это т. ск. „принудительность безъ принужденія“, т. е. дословно повторяетъ „старый мотивъ“ ученія Штаммера. Собственно, авторъ и самъ признаетъ это, говоря: „это то, что Штаммеръ называетъ принудительными нормами „по самому смыслу своему“, а Гирке „принудительными по самой идеѣ“. (Ibid. стр. 265). Ср. критику Н. А. Гредескула (журн. мин. юст. 1909. № 6, стр. 339—343), который справедливо указываетъ на то, что опредѣленіе права проф. Палиенко „не даетъ рѣшительно ничего новаго, повторяя въ себѣ лишь старый мотивъ о „принудительности“ права, вѣсколько подновленный „формальнымъ“ его пониманіемъ, выдвинутымъ въ наше время, главнымъ образомъ, Штаммеромъ“.

⁴⁾ Новая психолог. теорія, стр. 19, 22 и др.

тика, постараемся вскрыть подпочву его пониманія и опредѣленія права. Кто внимательно прочелъ, указанныя выше, работы проф. Палиенко, и кто знакомъ съ теоріей проф. Петражицкаго, тому сразу же становится ясно, что проф. Палиенко находится подъ безотчетнымъ вліяніемъ догматическаго направления юриспруденціи, и что онъ подъ «внѣшнимъ императивомъ» разумѣетъ «внѣшній авторитетъ» или (по терминологіи проф. Петражицкаго) «нормативный фактъ». Отсюда ясно, что онъ признаетъ и, конечно, только и можетъ признавать одно позитивное право, а все непозитивное, т. е. не основанное на внѣшнемъ авторитетѣ, на нормативномъ фактѣ, относитъ къ нравственности. «Правомъ мы признаемъ лишь позитивное право: обычное право и законъ. Они представляютъ собою выраженія властной «воли», организованной или неорганизованной въ общественномъ союзѣ»⁵⁾. Поэтому

⁵⁾ Новая теорія, стр. 24. Къ тому же и позитивное право, какъ видно, ограничивается имъ рамками позитивнаго оффициальнаго права, „исходящаго отъ внѣшняго авторитета въ обществѣ“ (ibidem, стр. 23 и др.). Весьма характерно, между прочимъ, удивленіе Н. А. Гредескула по поводу признанія проф. Палиенко правомъ только положительное право, оно является для проф. Гредескула, „какъ *deus ex machina*, ничѣмъ не мотивированное во всемъ предыдущемъ изложеніи“. (Журн. мин. юст. 1909. Іюнь, стр. 342—43). Для насъ данное признаніе проф. Палиенко настолько повятно, что никакой особой мотивировки для этого и не требуется, ибо для насъ ясна подпочва его пониманія права, которая прямо показываетъ, что иного (кромѣ позитивнаго) права проф. Палиенко и не можетъ признавать. Вообще, бюющая на хлесткость, критика Н. А. Гредескула не очень сильна по своему существу, отличаясь двойственностью въ оцѣнкѣ работы Н. И. Палиенко, которую, сначала, критикъ низвелъ до степени „безсвязной“ „компиляціи“ (стр. 330—31), а затѣмъ,

то и «интуитивное право», какъ не основанное на вѣншемъ авторитетѣ, не признается имъ за право, а относится безъ дальнихъ разсужденій къ «чистой» нравственности ⁶⁾ Но разъ это такъ, т. е., что простой нормативный фактъ (вѣрвѣе, представленіе нормативнаго факта въ правовомъ переживаніи) принимается проф. Паліенко за сущест-венный и отличительный признакъ права, то онъ, попросту, возвращается въ лоно современной догматической юриспруденціи съ позитивно-официальнымъ—обычнымъ и законнымъ—правомъ, которое по существу своему (какъ это неопровержимо показалъ проф. Петражицкій въ своихъ трудахъ) составляетъ отнюдь не теоретическій классъ, а лишь незначительную часть, группу подъ условнымъ «профессіональнымъ» значкомъ: «право». Но стоило ли возвращаться къ нему и подновлять «формальнымъ» пониманіемъ принудительности, чтобы снова противопоставлять его «психологической теоріи права», разъ уже достаточно авторитетно (и, кажется, окончательно) признано, что критика проф.

при противоположеніи ея трудамъ Петражицкаго, вдругъ, считаетъ „весьма почтенной“, соответствующей „почетному титулу“ „доктора права“ и „очень полезной“ (стр. 343). Замѣчательно, что и у Н. А. Гредескула, и у Н. И. Паліенко наблюдается особая тенденція по отношенію къ ученымъ, дарящимъ науку „новымъ“—тенденція искусственнаго нивелированія ихъ съ „остальными“—„добросовѣтными переработывателями этого даннаго „новаго“! Они сба противъ „монополистовъ“ въ наукѣ, любятъ „здравый смыслъ“ ученыхъ, отнюдь не „переоцѣнивають“ ученыхъ заслугъ „крупныхъ умовъ“ и съ тревогою взирають на „гнивозъ“ и „апогей“ „новыхъ“ ученыхъ... (См. Ж. м. ю. 1900, іюнь стр. 343—47).

⁶⁾ Ibidem, стр. 19 и 23.

Петражицкаго наглядно вскрыла «порочное» опредѣленіе даннаго понятія права.

Дальнѣйшимъ возраженіемъ въ критикѣ проф. Паліенко является опрометчивое традиціонное обвиненіе проф. Петражицкаго въ «индивидуализированіи» права, въ непризнаваніи, яко-бы, имъ того, что право есть продуктъ соціальной жизни, имѣетъ соціально-психологическую природу. Выводится же это обвиненіе изъ того факта, что проф. Петражицкій считаетъ право явленіемъ человеческой (индивидуальной) психики и только ея одной.

Но, вѣдь, поскольку признавать, что право есть явленіе психическое, оно eo ipso должно уже быть признано индивидуальнымъ, т.к. реальные психическіе феномены имѣютъ свое пребываніе исключительно въ психикѣ индивидуума и только тамъ¹⁾ А, слѣдовательно, и право, какъ таковое, т. е., какъ психическое явленіе, существуетъ только для того, кто сознаетъ его, его переживаетъ; безъ этого индивидуальнаго переживанія нѣтъ и явленія права. Если никто не переживаетъ права, то ясно, что ни для кого его и не существуетъ. Поэтому говорить о правѣ, о нормахъ права, какъ о чемъ-то существенно отличномъ отъ индивидуальной психики, является простымъ недоразумѣніемъ, въ какомъ повиненъ не только проф. Паліенко, но и проф. Орженцкій, проф. Хвостовъ и др. критики данной теоріи. О соціальной же психикѣ можно говорить лишь, какъ о соціально-психическомъ интеллектуально-эмоціональномъ взаимозараженіи и eo ipso общеніи²⁾. Но

¹⁾ См. Л. І. Петражицкій, Теорія права, I, стр. 101—102.

²⁾ Ср., между прочимъ, П. Е. Михайловъ: Основныя стадіи въ эволюціи идеи „ближняго“. „Вопросы обществовѣдѣнія. 1910. В. II, стр. 228—232.

кто внимательно прочелъ послѣднюю главу «Теоріи права» Петражицкаго, тотъ знаетъ, что, именно, объ этомъ и говоритъ онъ, о томъ соціально-психическомъ эмоціональномъ взаимозараженіи и общеніи, на основѣ котораго онъ и общаетъ вполнѣдствіи построить свою «эмоціональную соціологію».

О томъ же, что право есть продуктъ и факторъ соціальнаго общенія, объ этомъ, врядъ-ли, кто другой учитъ съ такой настойчивостью и ясностью, какъ, именно, проф. Петражицкій. Противное утвержденіе основано лишь на простомъ невниманіи къ трудамъ Петражицкаго, особенно къ послѣдней главѣ его «Теоріи права», озаглавленной: «Право, какъ факторъ и продуктъ соціально-психической жизни. Приведу, хотя бы, одно мѣсто изъ этой главы для подтвержденія сказаннаго. «Явленія права состоятъ въ двусторонней причинной связи съ другими процессами соціально-психической жизни. Съ одной стороны, право является факторомъ соціально-психической жизни и ея развитія. Съ другой стороны, право само есть продуктъ дѣйствія извѣстныхъ соціально-психическихъ процессовъ: оно создается и измѣняется ими по законамъ причинной связи» ¹⁾. Отсюда ясно, что данное обвиненіе также основано на недоразумѣніи и eo ipso не достигаетъ своей цѣли.

Такимъ образомъ, въ результатѣ предыдущаго анализа приходится сказать слѣдующее:

1) Возраженіе проф. Палиенко, состоящее въ томъ, что нормы не имѣютъ проекціоннаго характера, не суть эмоціональныя проекціи, не можетъ быть признано научно-серьезнымъ возраженіемъ, т. к. оно основано на научно-психологическомъ анализѣ эти-

¹⁾ Теорія права, II, стр. 641.

ческихъ эмоціональныхъ переживаній и eo ipso является голословнымъ.

2) Отрицаніе профессоромъ Паліенко свойства атрибутивности, какъ специфическаго признака правовыхъ переживаній, является продуктомъ смѣшенія имъ понятій атрибутивности и связанности (об- (в)язанности), которое въ свою очередь порождено непониманіемъ эмоціональнаго ученія проф. Петражицкаго.

3) Обвиненіе проф. Петражицкаго въ индивидуализированіи права и въ игнорированіи имъ социальной природы права покоится на простомъ невниманіи проф. Паліенко къ соответственной части ученія «психологической теоріи права». Врядъ ли кто другой такъ настойчиво и ярко освѣщаетъ социальную природу права, какъ, именно, проф. Петражицкій.

Итакъ, анализъ критики проф. Н. И. Паліенко оконченъ. Чѣмъ же объяснить всѣ недоумѣнія въ пониманіи «психологической теоріи права», такъ явно сказавшіяся въ критикѣ? Почему, при желаніи сознательно оцѣнить новое ученіе, критикъ безсознательно запутался въ недоразумѣніяхъ по самымъ основнымъ вопросамъ ученія Л. І. Петражицкаго? Отвѣтъ, намъ кажется, ясенъ. Во 1-хъ, потому, что критикъ съ предвзятой идеей приступилъ къ анализу теоріи Петражицкаго, будучи правоправнымъ сторонникомъ догматической юриспруденціи, а, во 2-хъ, потому, что бѣглое прочтеніе и мимолетное усвоеніе новаго ученія отнюдь, конечно, не могло дать научно-правильнаго критерія для оцѣнки данной теоріи и, тѣмъ болѣе, поколебать убѣжденія самого критика, выросшаго на иномъ ученіи, воспитавшагося въ иной научной школѣ, привыкшаго къ иному юридическому мышленію.

Только примѣняя психологическій методъ

изслѣдованія при критикѣ «психологической теоріи права», и можно надѣяться на успѣхъ критики, въ противномъ же случаѣ всѣ нападки и обвиненія, направленныя на данную теорію, остаются не болѣе, какъ голословными, что ярко и обнаружилось при анализѣ критики проф. Палиенко.

П. Михайловъ.

